

КАК ДЕЛАЛИСЬ ВРАГИ

Владимир БАКАНОВ

7

Окончание. Начало в № 190.

Общезвестная, давно набившая оскомину истина: «Природа не терпит пустоты». Тем не менее мы повторяем ее вновь и вновь...

1931 год. — «О политическом выступлении работников карьера и вылазка классового врага».

Этот материал взят не из газеты, а из архивного дела и касается Песчаного карьера. «Классовые враги» — их насчитали шесть человек — выступили группой с требованием повысить расценки, выдать хлеба и соли... Они отказались от выхода на работу, чем «добились получения продуктов без карточек». Какой-то разгильдяй не выдал людям своевременно талоны и карточки на питание.

«Смутяны» приехали с Украины и, как «оказалось», были людьми чуждыми «по своему классовому происхождению: кулаки, лишенцы, намеченные к раскулачиванию, уголовные элементы, растратчики, сыновья раскулаченных и ссыльных, открыто выступающие с контрреволюционными вылазками». Так ли это, или просто надумано — теперь не разберемся.

Вокруг «возмутителей спокойствия» быстро собрались активисты, попрепирались между собой и обвиняемыми и решили немедленно своими силами арестовать «врагов» и передать в ГПУ. Как порешили, так и сделали. Ведь классовая борьба — продолжение гражданской войны, а на войне действует право сильного, а не правого.

1932 год. — Идет пленум горсовета. Присутствуют 350 человек. Обсуждается постановление на строительстве. Выносятся постановления:

«... 14-й пункт. Констатировать, что вылазки классового врага и его агентуры за последнее время имели место на стройке, распухали слухи «о недоброкачественных пирогах», что классовый враг и его соратники-дезорганизаторы производства, врачи, летуны тормозят, а порой вредят делу социалистического строительства...»

Эти пирожки и «другие вылазки врагов» так задели исполком, что горсовет немедленно выступил со специальным обращением ко всему населению города. Вчитайтесь в него — это тезисы программы вовлечения масс «в борьбу с ведьмами» в масштабах Магнитогорска.

«ОБРАЩЕНИЕ

к трудящимся города Магнитогорска
Товарищи!

Под руководством ленинской партии рабочие, колхозники и трудящиеся Советского Союза победоносно строят социализм.

Ударники и ИТР Магнитостроя, неуклонно осуществляя указания вождя партии товарища Сталина, упорной большевистской борьбой с классовым врагом и его агентурой, преодолевая трудности нашего роста, добились огромных побед в деле создания социалистического гиганта индустрии.

Успешный пуск и эксплуатация целого ряда агрегатов первой очереди Магнитогорского металлургического комбината, рудника им. тов. Кабакова, ЦЭС, 8 батарей коксохима и особенно первой домны, единственной по своей величине и мощности в Европе, дающей уже тысячи тонн чугуна в сутки — вызывает бешеное озлобление классового врага, пытающегося распространением провокационных слухов и скрытым вредительством ослабить темпы социалистического строительства и унизить значение наших побед, ибо наш классовый враг и его оппортунистическая агентура, положившие столько сил, чтобы затормозить и сорвать строительство первой Магнитогорской домны, пророчили неизбежный провал ее пуска. (Из передовой «Правды»).

В своей работе против революционных рабочих и крестьян, классовые враги не гнушаются никакими средствами.

Все, что есть в мире подлого, грязного и преступного, мобилизуется для борьбы против Советского Союза — ударной бригады мирового пролетариата.

Городской Совет Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих депутатов заявляет о полной вздорности и лживости всех этих слухов, распространяемых кулаками, вредителями и их агентурой.

Городской Совет со всей революционной суровостью покарает виновных в распространении провокаций, в сепаратизме, в национальной вражде, в преследовании и избивании ударников и общественников.

Товарищи рабочие и работницы, колхозники и колхозницы! Зорче пролетарский глаз, зорче пролетарский контроль! Разоблачайте виновных в распространении слухов.

В ответ на вылазки классовых врагов вступайте в ряды ударников, организуйте борьбу за то, чтобы оправдать надежду всей партии, всего рабочего класса и Советского Союза. Эту надежду выразил в своем письме тов. Сталин. Он сказал:

«Не сомневаюсь, что магнитогорцы так же успешно выполнят главную часть программы 1932 года — построят еще три домны, мартен, прокат и таким образом с честью выполнят свой долг перед страной».

Магнитогорцы! Крепче удар по классовому врагу. Под руководством ВКП(б) — вперед к новым победам.

Горсовет».

В ходу тогда, еще с гражданской, было более острое выражение, ясно и четко разграничивающее на своих и чужих: «Кто не с нами — тот против нас!»

А еще ходила в те годы формула, говорят, произнесенная САМИМ: «Сын за отца не отвечает». Но это только на словах, а на деле не только сын — внуки и правнуки оказывались в поле зрения недремотного ока. Выглядела формула совсем безобидно, а сколько в ней скрывалось иудинного яда. Во-первых, надо отречься от отца. Во-вторых, сделать это во всеуслышание.

Дмитрий заметался, когда узнал, что отца прямо с Горы взяли в ГПУ, а дома произвели обыск.

— Что делать, что делать? — хватался он за голову. — Все начатое, все планы пойдут насмарку...

Его только что повысили на работе, приняли в институт и такая беда!.. Все полетит к чертям, как только на работе и в институте узнают о несчастье...

Дело такое, что не с каждым посоветуешься. Пошел к дяде по матери. Тот рекомендовал идти в газету:

— Смело, чистосердечно заявишь — поверят, поймут! Отцу не поможешь, а себя спасешь!..

Прямо от дяди побежал Дмитрий в редакцию. Долго писал заявление, тряслась рука. В 170-м номере за 26 июля 1932 года появилось следующее короткое объявление: «Порываю всякую связь со своим отцом Григорием Сафроновичем Голуб».

После редакции Дмитрий долго бесцельно бродил по новостройке, спотыкаясь о кирпичи и булыжники, разбросанные всюду, приседая и падая на рывинах. В голове вызванивала одна мысль: «Отрекся от отца!.. Препал отца!» В барак идти не хотелось. Боился укоров соседей и матери.

Объявление прочитали в бараке на четвертый день. Никто ничего не говорил, а здороваться с ним многие перестали. Зато мать и сестра рвали душу упреками. Куда бы он ни шел, казалось, все встречные оборачивались ему вслед и бросали в спину: «Вот он, смотрите, идет Иуда, отца предал!»

Не выдержал своего искарюства Дмитрий и решительно направился в газету. Там, присев к столу, твердо и размашисто написал: «Объявление, данное мною в газете «Магнитогорский рабочий» № 170 — беру обратно, связи с отцом не порываю. Д. Г. Голуб».

Потом, когда и это объявление появилось в газете, Дмитрий стал замечать во взглядах соседей и товарищей по работе тепло одобрения. Жаль только, что мы сегодня не сможем узнать, чем закончились для него эти колебания.

Так или иначе, это был поступок большого мужества и высокого сыновья долга перед отцом и матерью своими. Минутная слабость в таком случае простительна.

Передо мной лежит еще документ, поражающий огромным гражданским мужеством человека, обратившегося с правдивым словом к самому Сталину. Этот смелый по содержанию и отражению человеческого достоинства документ должен быть прочитан сегодня нами. Сама огромная совесть говорит устами пятнадцатилетнего комсомольца, студента горно-металлургического техникума, вождю о народном бедствии. Вот этот документ без купюр.

«Т. Сталин!

Вам покажется странным, когда Вы получите это письмо. Ни я, ни Вы меня не знаете и никогда не видели.

Т. Сталин, я решил написать это письмо, чтобы Вы ясными глазами увидели суть дела. Я буду говорить только о Свердловской области и в частности о Тагильском районе. Летом 1934 года я был в лагере в Гожакском сельсовете. До этого времени у меня были все время споры с папой. Отец зимой ездил по деревням за сеном (мы в тот год не страдавали) и приезжал домой, рассказывал, в каком положении находится сейчас деревня: «Заходил, — говорит, — в избу, на столе сидят маленькие с желтыми лицами, с большими животами дети. Они просят у матери хоть крошку хлеба, но получают слезы и ругань матери. А в некоторых случаях отец и мать не в состоянии прокормить своих детей — бросают их на милость судьбы и уезжают в город». Да, я видел это собственными глазами, когда был в лагере и дежурил по столовой, к нам приходили старики и женщины и просили карто-

фельной шелухи. Я видел, как один старик драл целый день лыко на то, чтобы получить 400 г овсяного с мякиной хлеба. После того, как вы съедите этот хлеб, в горле у вас начинает колоть, как шилами, и в зубах остается мякина. Работая в поле, крестьяне питались обваренным колосом, а в других случаях одной картошкой. Идя из столовой в лагерь, бабы, видя как мы живем, обзывали нас дармоедами. Наши руководители говорили нам, что это кулацкие выходы.

Да, это мог говорить хорошо питавшийся, а тот, который все время понукается нетерпеливым хозяином-железнодорожником, тот, который слышит каждую минуту плач голодных ребят — тот делается зверем, он не думает, по-кулацки это или не по-кулацки.

Т. Сталин! Вы не стояли зимой в очереди днями с 4 часов для того, чтобы купить килограмма 3 хлеба по 2 рубля (почти всю зарплату дня). Вы не слышали, что говорят рабочие-пролетарии, у которых руки негибаются для того, чтобы взять карандаш. Вы не знаете, как живет рабочий (простой рабочий Тагила), я не знаю, как живет рабочий Москвы.

Т. Сталин! В газетах ничего не пишется о нуждах рабочих. Коммунисты отделились от рабочих закрытыми партактивами, а рабочим дали «ударные» магазины, в которых ничего нет, кроме муки, сечки, пальто (этого теперь много везде), капусты, соли и изредка консервы по 3 руб. 50 копеек, иногда сахар, просо, мясо и больше почти ничего нет, но есть прибитые дощечки, на которых черным по белому: «Ударнику — ударное снабжение». Правда, есть «Гастроном», в котором масло 30-35 рублей, разные дорожные вина, селедка по 8 рублей, ветчина, колбаса 25-30 руб. и т. д. Покупатели этих продуктов — инженеры, ответственные парторганизаторы, изредка служащие и рабочие, заходящие в магазин или посмотреть, или купить 100 г сыра, селедки или масла.

Развивается кража днем — на глазах у всех отбирают у маленьких ребят паек, или чаще видишь женщин, рвущих на своих головах волосы — вытащили деньги с документами. И все это происходит на глазах милиции. В почете — даже у парторганизаторов — взятка. Я могу привести пример с начальником городской милиции т. (фамилию я так не могу узнать — как бы за это не стали таскать), который взял взятку с одного человека за то, что он (нач. милиции) охлопотал лошадь, признанную краденной (лошадь, как впоследствии узнали, была признана краденной ошибочно). Всюду, где только требовалось похлопотать, нужны были двадцатки, пятидесятки, сотни. Да мало ли еще чего можно написать.

Мой дедушка в гражданскую войну, во время занятия белыми, спас трех большевиков будучи старостой. Этот факт знает все село. Во всех газетах печатают Ваши желанные слова «сделать колхозников зажиточными», «оделить колхозников коровами». Но эти слова остаются почти на бумаге, не считая отдельных случаев награждения ударников.

Итак, у моего дедушки была одна корова (лошадь, овец он сдал в колхоз) в 1931 г., и ее у него отобрали, осталась телка, телка подросла, и в 1931-1932 г. ее опять отобрали. И вот, скопив из 80 руб. своего заработка, к которым прибавил сын и взял займы у соседней, купил с грехом пополам, пожил с коровой 6 или 7 месяцев, и опять отобрали ее у него, отбив всякую мысль о покупке другой. Так же и в этот раз охлопотал, бегал старик, бегал и все напрасно. У многих отобрали дома, некоторым после долгих хлопот отдавали разрушенными да и то кое-как.

Т. Сталин! Я комсомолец с 1932 года, мне 15 лет, отец мой — рабочий. До революции с 12 лет работал на руднике горы Высокой, на Черемховских угольных копях, строил Великую Сибирскую дорогу, служил продавцом и т. д. После революции служил в военно-потребительском обществе, был завмагом ЦРК и опять работал на алмазном бурении, теперь коновозчиком на построй-

ке города; с 1920 года в профсоюзе, и только за то, что обрабатывал 1 га сдал на 1 год помещение, имел лошадей, корову — за это у него отобрали дом. Дом он купил в рассрочку с 1923 г. по 1928 г. да и то только у своих родных, а то бы не купил его сам.

Папа охлопотал с 1931 г. по сегодняшнее число и все без результата. Везде пояснял: обрабатывал 1 га и сдал за 380 рублей помещение для того, чтобы провести кое-какой ремонт.

Т. Сталин! Крестьяне и рабочие терпят и здорово терпят.

Т. Сталин! Может, Вы посчитаете нужным убрать меня из Горно-металлургического техникума как «кулацкого отродье», и чтобы не заставить Вас искать мой адрес — пишу: г. Нижний Тагил Свердловской области, ул. им. Челюскинцев, д. № 22, Михаил Коряков.

3 октября 1934 г.»

Письмо подкупает смелостью и прямотой, готовностью постоять и даже пострадать за правду.

Автор не враг строю, партии и вождю. Он только наивен и верит, что все творящееся на местах ему, вождю, неизвестно. В то же время знает на опыте других, что может оказаться в числе враждебных элементов. А сообщение адреса — это уже вызов. Не знал автор, что риск его напрасен, письмо не дойдет до адресата и осядет в архивах областного ГПУ.

Тем не менее поступок Михаила Корякова достоин всякого уважения. Он встал на защиту своего обездоленного народа, твердо уверенный, что за ним стоит правда, а за нее следует бороться, не щадя своей жизни.

А враги? Были они на самом деле? Конечно, были, готовые к борьбе с большевиками, мечтающие о реванше, они хотели бы вредить, убивать, мутить сознание людей, устремленных в будущее. Но были-то они за границей. Здесь, в России, в 30-х годах, возникали и разоблачались враждебные личности и группы в основном по желанию и велению того же вождя и его услужливого окружения. На самом деле не было ни «Промпартии», ни «Шахтинского дела», вредительства на селе и взрывов электростанций.

То есть взрывы и всякого рода эксцессы в промышленности и на селе, конечно, были, но не от умысла навредить, сорвать, затормозить, а от недосмотра, разгильдяйства и бесхозяйственности, часто из-за технической неграмотности.

Если бы каждую поломку, аварию, обрушение, прорыв и прочее, и прочее в 30-е годы принимали за происки «классового врага», то не было бы и ГИГАНТА индустрии, и нашего СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО города. Попросту не было бы кому строить. Всех строителей, которые не успели убежать, пересажали бы.

Говорят: «Конец — всему делу венец!» Когда радость завершения, победа, то забывается, что «от конца до венца нерво-трепка без конца».

Новостройка, темпы, строители, оторванные от сохи. Как не быть взрывам и поломкам?.. Вот и мерещится.

В старину, когда мерещилось или чудилось, отделялись «чуром» или крестились, а тут — безбожие, вот и боролось, как в гражданскую, со всеми, со всем и за все...